

Ю. В. Наумов

Проблема духовного кризиса в рефлексии Ф. Ницше и В. Соловьева

Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по теме НИР «Макрокультурный кризис в наследии Ф. Ницше и В. Соловьева»

В статье проводится сравнительный (историко-культурный, историографический, герменевтический) анализ наследия выдающихся мыслителей Германии и России – Фридриха Ницше и Владимира Соловьева. Ядром исследования выступает духовно-религиозный кризис.

Ключевые слова: макрокультурный кризис, религия, Ницше, Соловьев, культура.

Ju. V. Naumov

The Problem of the Spiritual Crisis in the Reflection of F. Nietzsche and V. Solovyov

This publication deals with the comparative (historical and cultural, historiographic, and hermeneutic) analysis of the heritage of two outstanding thinkers of Germany and Russia – Friedrich Nietzsche and Vladimir Solovyev. The research nucleus is a spiritual-religious crisis.

Keywords: a macrocultural crisis, religion, Nietzsche, Solovyov, culture.

Примером выражения основных установок кризисного мышления и рефлексии над кризисом являются труды Ф. Ницше и В. Соловьева. Значительная часть их наследия находится на стыке литературы и философии, оставаясь и сегодня общепризнанным ярчайшим явлением культуры. Их творчество наиболее актуально проявляет себя при осмыслении макрокультурного кризиса Нового времени в связи с тотальной вовлеченностью в кризисную проблематику конца XIX в.

Фридрих Ницше (1844–1900) и Владимир Соловьев (1853–1900) представляют две могучие философии, между которыми есть удивительно много пересечений и перекличек. Оба гениальных мыслителя были сформированы достойным университетским образованием. Имели прямое отношение к духовно-религиозной жизни, впитывая христианское начало в семье священнослужителей [1, 7]. И вдруг обоих поражает глубокий кризис доверия к пастырю, церкви, христианству в целом, а у Ницше и к Христу. Масса объективных проблем религиозной жизни и их разбор, учитывая всю ее разнохарактерность и даже разнонаправленность в православии России и протестантизме Германии, в изобилии представлены философами в каждой их работе. «Я называю христианство единым великим проклятием, единой великой внутренней порчей, еди-

ным великим инстинктом мести, для которого никакое средство не будет достаточно ядовито, коварно, низко, достаточно мало, – я называю его единым бессмертным, позорным пятном человечества» [2, с. 692], – писал Ницше о христианстве.

Соловьев связывал упадок духовной жизни с проблемами миссионерства и замкнутости приходской жизни, а также с примитивной компилятивной схоластической богословской школой России. Он предлагал перевести «веру отцов» на язык современной науки и культуры XIX в., «обогатив» ее философско-методологическим и научно-техническим аппаратом. Им создано учение о «всеединстве», которое призвано синтезировать науку, религию и искусство в направлении духовного возрождения и преображения человечества. «Я называю истинным, или положительным, всеединством такое, – характеризует свою концепцию сам Соловьев, – в каком единое существует не на счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, пустотою; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия» [4, с. 552].

Ницше писал о вырождении христианства в этическую доктрину. Причем смысл ее в «восстании рабов», господстве морали слабых, а, следовательно, в главенстве их над сильными. «Любовь к ближнему», по афористической мысли С. Л. Франка, была отвергнута Ницше в пользу «любви к дальнему». «Этика “любви к ближнему”, – рассуждает Франк, – есть ... моральная система, основанная на инстинкте сострадания. Понятие “любви к дальнему” не имеет столь определенного значения. Под ним может подразумеваться всякая любовь, не совпадающая с “любовью к ближнему” в указанном смысле. Мы можем охарактеризовать ее как чувство, испытываемое по отношению ко всему “дальнему”, ко всему, что отдалено от нас либо пространственно, либо временно, либо, наконец, морально-психологически и потому действует не непосредственно, не при помощи аффекта сострадания, а через посредство более отвлеченных моральных импульсов» [8, с. 8–9]. Затем шла «переоценка ценностей» и имморализм. К этому Ницше подтолкнуло не безумство или большая фантазия, а совершенная декларативность постулируемой с церковных кафедр морали. Мораль, по Ницше, извратилась в свою противоположность. И поэтому нужна «переоценка ценностей», создание новой аксиоматической базы. В качестве таковой философом предлагался возврат к древнему языческому образу господства силы, архетипически существующему в каждом человеке и заглушенному христианизацией. Христос и христианство для Ницше есть две большие разницы. Развитие церковью учения Христа было, одновременно с этим, и искажением христианства, подчинением его «человеческому, слишком человеческому». Эстетически привлекательный образ варварской красоты силы, этакой игры мускулов и интеллекта, идеал «сверхчеловека» (*Ueberschensch*) был для философа упованием на излечение Европейской цивилизации.

Многое взято Ницше из античных и варварских идеалов дохристианской Европы. Соловьеву, знакомому с сочинениями немецкого философа, было что противопоставить «Антихристианину» Ницше. В «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце мировой истории» идеолог всеединства предлагал свою концепцию выхода из признаваемого обоими мыслителями кризиса духовной жизни и христианства. Его идея во многом антагонистична ницшеанской. Заочно соглашаясь со многими утверждениями Ницше, Соловьев строит свою эсхатологическую гипоте-

зу разрешения духовного кризиса, которая носит отчетливо выраженный трагический характер апокалиптики [6].

Ницше и Соловьев сходятся в понимании тяжелого упадка постпросвещенческой, постро-мантической культуры и религии как основной ее составляющей. Лишь трагический надлом, обвал и катастрофа могут послужить толчком к осознанию и преодолению сложившегося положения. Однако за пессимизмом у того и другого проступает уверенный оптимизм. У Ницше – в связи с неизбежным, по его мнению, восстановлением истинных инстинктов человека и наступлением эпохи неоязычества, у Соловьева – с упованием, свойственным Восточной христианской эсхатологической традиции восстановления Божественной справедливости и царства Божьего, которое наступит после борьбы и неизбежной победы Бога над дьяволом в конце времен.

Духовный кризис во многом был подготовлен философией Нового времени, критике которой посвящено немало страниц у Ницше и Соловьева. Для последнего отрыв от религиозных корней философствования, которые ведут свое начало от пифагорейцев, платоников и неоплатоников, христианской святоотеческой традиции, привел к сомнительным, по мнению Соловьева, философским ухищрениям Р. Декарта, с его знаменитым "cogito ergo sum". «Декартовский субъект мышления есть самозванец без философского паспорта» [5, с. 781], – категорично писал Соловьев. Вся немецкая философия склонилась в сторону гносеологических вопросов, как правило, дистанцированных от экзистенциальных проблем каждого человека – смысл и цель жизни, теодицея и антроподицея, смысл смерти и страдания и т. д., – которые достаивались пристального внимания в религии.

Однако обращение Соловьева к религиозно-философской традиции православия было далеко не аутентичным. Попытки построения новой живой и отвечающей на вопросы времени системы носили отчетливо выраженный модернистский характер. «В. С. Соловьев заявлял себя ... как религиозный реформатор, – справедливо замечает игумен Вениамин, – что не могло не вызвать резкой критики православных традиционалистов. Следует, конечно, еще раз сказать, что если он и был религиозным реформатором, то мистико-эволюционного типа, а не революционного» [3, с. 107].

Нечто похожее произошло и с книгами Ницше. В зрелом своем творчестве он описывает ду-

ховно-религиозный упадок Германии и Европы. Противопоставляет Добро и Истину христианству. В этой вере произошли «тектонические» сдвиги, в связи с чем она стала проповедью не только дурного, неестественного образа жизни, но и исчадием зла, колыбелью порока, вредной привычкой. Кроме мнения о последующем искажении проповеди Христа церковью, Ницше также отводил место для критики немецкой философии в лице Р. Декарта, И. Канта, Г. Гегеля и др. Сухой гносеологизм, игнорирующий трагедию человеческого бытия, философ считал глубинным заблуждением современной ему немецкой мысли.

Таким образом, кризисные тенденции, охватившие религию, философию, искусство, политику и культуру Европы, в целом весьма схоже описываются и преодолеваются в трудах обоих мыслителей. Обоим мыслителя исходная христианская картина мира представляется устаревшей и в корне не касающейся внутренних глубин существования человека. Для Ницше христианство исказило весь ход европейской истории вообще и умертвило жизненные токи каждого христианина в частности. Ницше заменяет христианский идеал смирения и любви варварским стремлением к мировому господству сверхлюдей. Соловьев также считает христианство в виде разделенных историей конфессий искажением евангельской Истины. Он стремится к оправданию христианства с позиций науки и философии, привнося в него различные, иногда даже оккультные, положения. Обоих мыслителей объединяет неудовлетворенность историческим христианством. Ницше предлагает революционный путь отрицания и вычеркивания христианства из жизни человека. Соловьев же уверен в неизбежности эволюционного развития этой религии.

Библиографический список

1. Галеви, Д. Жизнь Фридриха Ницше [Текст] / Д. Галеви. – Новосибирск : Наука, 1992. – 216 с.
2. Ницше, Ф. Антихрист. Проклятие христианству [Текст] / Ф. Ницше // Сочинения : в 2 т. Литературные памятники / составление, редакция изд., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна ; пер. с нем. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 631–692.
3. Новик, Вениамин, игумен. Некоторые трудности восприятия философии В. С. Соловьева в России [Текст] / Вениамин Новик, игумен // Россия и Вселенская Церковь. В. С. Соловьев и проблема религиозного и культурного единения человечества / сб. ст. под ред. В. Поруса. – М. : Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2004. – С. 100–108.
4. Соловьев, В. С. Первый шаг к положительной эстетике [Текст] / В. С. Соловьев // Сочинения в 2-х т. ; общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; примеч. С. Л. Кравца и др. – М. : Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 548–555.
5. Соловьев, В. С. [Теоретическая философия]. Первое начало теоретической философии [Текст] / В. С. Соловьев // Сочинения : в 2-х т. / общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева ; примеч. С. Л. Кравца и др. – М. : Мысль, 1988. – Т. 1. – С. 757–831.
6. Соловьев, В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце мировой истории [Текст] / В. С. Соловьев // Сочинения в 2-х т. ; общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; примеч. С. Л. Кравца и др. – М. : Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 635–762.
7. Трубецкой, Е. Н. Мирозерцание В. С. Соловьева [Текст] / Е. Н. Трубецкой. – М. : Медиум, 1995. – 604 с.
8. Франк, С. А. Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» [Текст] / С. А. Франк // Сочинения. – Мн. : Харвест, М. : АСТ, 2000. – С. 3–80.